

Л. Колмачевский

**Животный эпос на Западе и у
славян**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Л11

Л11 **Л. Колмачевский**
Животный эпос на Западе и у славян / Л. Колмачевский – М.: Книга по Требо-
ванию, 2021. – 327 с.

ISBN 978-5-4241-1003-0

ISBN 978-5-4241-1003-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

вотнаго эпоса. Притомъ упустилось изъ виду, возможность, т. е. невозможность, примѣненія индогерманской гипотезы къ явленіямъ славянскаго эпоса безъ предварительной ея проверки на основаніи аналогичныхъ явленій въ другихъ сферахъ животнаго эпоса.

Въ предлагаемомъ трудѣ мы постарались дать отвѣтъ и на послѣдній вопросъ. Если отвѣтъ этотъ многимъ покажется отступленіемъ отъ господствовавшихъ у насъ воззрѣній, то этого нельзя поставить намъ въ упрекъ: рѣшеніе вопроса было продиктовано намъ по возможности тщательнымъ и вполне безпристрастнымъ изученіемъ источниковъ и пособій.

Устанавливая литературное заимствованіе, мы старались притомъ строго слѣдовать ея теоріи, главныя требованія которой А. И. К и р п и ч н и к о в ъ (Св. Георгій и Егорій Храбрый [1879] стр. 175) формулируетъ въ слѣдующихъ мѣткихъ выраженіяхъ: „Теорія литературнаго заимствованія тогда только имѣетъ доказательную силу, когда, указывая сходство между отдаленнымъ и близкимъ, древнимъ и новымъ, въ то же время указываетъ и пути перехода; но если и нѣтъ посредствующихъ звеньевъ, не бесполезно указать на разительное сходство, хотя только въ видѣ вопроса, на пользу будущаго“.

Мы впрочемъ очень хорошо сознаемъ, что предлагаемый трудъ, какъ и всякое подобное изслѣдованіе, посвященное сравнительному изученію предмета, заключаетъ въ себѣ недостатки и пробѣлы. Могутъ, напр., указать на то, что не исчерпанъ весь матеріалъ. Въ извиненіе мы готовы высказать увѣренность, что даже въ любомъ столичномъ городѣ, не говоря уже о провинціальныхъ университетскихъ городахъ, не окажется на лицо весь матеріалъ необходимый для извѣстнаго научнаго вопроса. Наконецъ, при сравнительномъ изученіи предмета матеріалъ всегда будетъ представляться въ видѣ неисчерпаемаго источника. Чѣмъ больше будетъ собрано матеріала, тѣмъ нагляднѣе обнаружится его неисчерпаемость, что невольно наводитъ на мысль сравненіе съ песочной ямой, которая становится тѣмъ больше, чѣмъ больше изъ нея выбрасываютъ земли. Мы по крайней мѣрѣ стремились къ возможной полнотѣ въ собираніи матеріала, и въ этомъ смыслѣ, надѣемся, намъ не сдѣлаютъ упрека, что выводы построены на двухъ-трехъ фактахъ.

Допущенныя нами сокращенія въ цитатахъ такъ просты или общеприняты, такъ часто встрѣчаются, что распространяться о нихъ подробнѣе — значило бы даромъ тратить время.

Въ заключеніе мы спѣшимъ выразить искреннюю признательность тѣмъ русскимъ и заграничнымъ ученымъ, которые содѣйствовали нашему труду совѣтами, указаніями или книгами: Н. Н. Буличу, А. Н. Веселовскому, Н. П. Дашневичу, А. И. Кирпичникову, Е. Коскану, проф. А. Лескину, М. П. Петровскому, проф. В. Теца и мн. др.

Посвящаю этотъ трудъ моей матери и моему дядѣ, А. В. Мияятову.

Въ Петербургѣ,
17-го Іюля 1882 г.

Л. К.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Гл. I. Гипотезы о происхожденіи развитіи и распространеніи животнаго эпоса 1 слл.

Индогерманская или мифологическая гипотеза Я. Гримма 2. Воззрѣнія Гервинуса 5 и Герцберга 7. Индѣйская гипотеза Вахенера 8. Греческая гипотеза Вебера 9. Воззрѣнія Бенфея 11. Принципъ естественности, обоснованный О. Келлеромъ 15. Взгляды Поляна Паря 16, Потвэна 17 и Вавернагеля 18. (Мюлленгоффъ 20). Взгляды Мейснера, основанные на изученіи памятниковъ искусства 20. Критика означенныхъ гипотезъ 23. Выводы 53.

Гл. II. Отношеніе славянскаго животнаго эпоса къ западному 55 слл.

Главные группы животныхъ сказокъ: 1) Кража рыбы 57. 2) Рыбная ловля 68. 3) Лиса-Исповѣдница или Похищеніе пѣтуха лисою 93. („Перехитряемость“ 105). 4) Неравный дѣлежъ жатвы и 5) Избавленіе человѣка отъ хищнаго звѣря 111. 6) Звѣри странники 123. 7) Лиса-судья или Старая хлѣб-соль забывается 135. 8) Волкъ-дурень 139. 9) Дроздъ-кормилецъ 152. Отдѣльно стоящія животныя сказки и отношеніе ихъ къ даннымъ группамъ 163. Выводы 173.

Гл. III. Главнѣйшіе вопросы въ сферѣ средневѣковыхъ поэмъ о животныхъ 174 слл.

Изданія „Изенгрима“ и „Рейнарда“ 174. Содержаніе „Изенгрима“ 175. Esbasis 177. „Рейнардъ“ 182. Изданія романа о Ренарѣ 194. Рукописи 195. 1-я—19-я вѣтви 196—210. 20-я вѣтвь и иностранныя ея истоки („Рейнартъ“ I и „Райнардъ“) 210—221. 21-я—

VIII

23-я вѣтви 221—224. 24-я вѣтвь и ея нидерландск. истокъ („Рейнартъ“ II) 224—235. 25-я — 36-я вѣтви 235—259. Позднѣйшія сатирическія поэмы о Ренарѣ 259. Общія замѣчанія 261. Отношеніе вѣтвей между собой въ связи съ вопросомъ объ авторѣ ихъ по Юнкблуту и Кнорру 263. Отношеніе и соотвѣтствіе вѣтвей въ изд. Мартина и Меона 267.—„Рейнгаартъ“ Генриха Лицемѣра и „Рейнгаартъ“ въ обработкѣ анонима 268—277. „Рейнартъ“ Виллема и „Исторія Рейнарта“ 277—287. „Рейнке“ 287—294. Слѣды утраченныхъ приключеній 294.—Чертежъ развѣтвленій литературныхъ обработокъ животнаго эпоса (къ стр. 296).

Гл. IV. Сатирическій элементъ въ предѣлахъ животнаго эпоса 297 слл.

Возрѣніа Эвхарда 297, Моне 298 и Я. Гримма 299. Взглядъ Мейснера 300. Характеръ сатиры въ данныхъ поемахъ 302. 306. Монашество волка 304. Выводы 311.

ДОПОЛНЕНІЯ 132.

I.

Гипотезы о происхожденіи, развитіи и распространеніи животнаго эпоса.

Bei unseren deutschen Forschern [den Brüdern Grimm]...
ward die Vorliebe für alle Volksdichtung, ward die
Voraussetzung volksthümlicher Unterlagen bei aller
möglichsten Dichtung allzu einseitig übertrieben.
Gervinus Gesch. d. Deut. Dichtung! 1871 206.

Первымъ и самымъ существеннымъ вопросомъ въ области животнаго эпоса представляется вопросъ о его происхожденіи. Первоклассные ученые, прибѣгая къ обширному запасу знаній или необыкновенному остроумію, рѣшали этотъ вопросъ крайне разнообразно. Изучаемый предметъ представлялся каждому изъ нихъ подѣ известнымъ угломъ зрѣнія, опредѣляемымъ весьма ограниченнымъ и узкимъ субъективизмомъ.

Односторонность взглядовъ въ значительной мѣрѣ обуславливалась патріотическими тенденціями или недостаточнымъ знакомствомъ съ національными произведеніями или преданіями другихъ народностей, преимущественно же славянскаго міра. Впрочемъ, послѣдній упрекъ значительно ослабляется тѣмъ обстоятельствомъ, что лѣтъ за двадцать тому назадъ не было еще той массы накопившагося матеріала, который въ настоящую пору поражаетъ своимъ объемомъ и тѣмъ не менѣе въ известныхъ случаяхъ все еще недостаточенъ для окончательнаго рѣшенія спорныхъ вопросовъ. Что же касается патріотическихъ симпатій, то ими нерѣдко опредѣлялись научныя воззрѣнія. Подчасъ играли роль даже спеціальныя занятія, предъ которыми долженъ былъ преклоняться научный вопросъ, рѣшавшійся вслѣдствіе этого

не объективно, а пристрастно. Честь „изобрѣтенія“ животного эпоса, первые фазисы его развитія, постепенное его осложненіе и т. п. — все это то переносилось на тотъ или другой народъ, то приписывалось его вліянію, то приурочивалось къ извѣстной странѣ.

Какъ бы то ни было разнообразныя точки зрѣнія не замедлили вызвать цѣлый рядъ гипотезъ или противорѣчащихъ другъ другу взглядовъ. Изъ длинной вереницы мнѣній только за весьма немногими возможно признать притязаніе на достовѣрность; большинство же взглядовъ не заключаетъ въ себѣ даже ничтожной доли вѣроятности или правдоподобія.

Всѣ вопросы, входящіе въ составъ животного эпоса, впервые обстоятельно разсматривалъ Я к о в ъ Г р и м м ъ. Онъ создалъ, такъ сказать, вопросъ о животномъ эпосѣ вообще. Въ извѣстномъ своемъ изслѣдованіи (Reinhart Fuchs. Berlin 1834) Я. Гриммъ, конечно, подробно касается и вопроса о происхожденіи животного эпоса, прослѣживаетъ пути, по которымъ шло его распространеніе и т. п.

Источникъ животного эпоса, по мнѣнію Я. Г р и м м а, заключается въ поэтическомъ созерцаніи народа, усматривавшаго въ разнообразныхъ способностяхъ и качествахъ звѣрей множество чертъ, общихъ съ природой людей. Все это непременно должно было установить интимныя отношенія между первобытнымъ человѣкомъ и міромъ звѣрей (R. F. стр. j сл.). Отсюда вѣра въ превращеніе людей въ животныхъ и наоборотъ, вѣра въ переселеніе душъ, убѣжденіе, что звѣри — существа вѣщія, обладающія чародѣйственной силой, что звѣри одарены предвидѣніемъ человѣческой судьбы, не лишены возможности говорить человѣческимъ языкомъ или обладаютъ своимъ собственнымъ, таинственнымъ говоромъ (стр. ii сл.). Все это вело къ тому, что человѣкъ поспѣшилъ дать звѣрямъ больше простора, вводя ихъ въ сферу собственныхъ дѣйствій, въ кругъ событій человѣческой жизни (стр. iv). Вслѣдствіе этого, естественно, долженъ былъ образоваться родъ „сказаній о животныхъ“, коренящихся въ незапамятной, устойчивой традиціи (стр. v сл. xvj сл. xjx. lxjx. lxxvij. cxxvj. cclxviii и др.), разраставшихся съ теченіемъ времени и видоизмѣнявшихся смотря по мѣстности и обстоятельствамъ времени (стр. v сл.). Весь циклъ „сказаній“ о Рейнгартѣ основанъ, такимъ образомъ, на народномъ сказаніи, которое сохранялось и развивалось

среди германскаго племени и обнаруживается, следовательно, какъ чисто „нѣмецкая животная сага“ (deutsche Thiersage, стр. xlviii. lii. cclxviii. cclxxv и мн. др.). Она расцвѣла въ Нидерландахъ, сѣверной Франціи и западной Германіи и не выходила за предѣлы этого тѣснаго района: не проникала она ни на югъ Франціи, ни въ Испанію и Италію, ни къ кельтамъ, ни въ Англію и Скандинавію, ни въ славянскія земли (стр. xv). Въ пользу мнѣнія о „нѣмецкой животной сагѣ“ прежде всего краснорѣчиво говорить кумовство, встрѣчающееся между животными, согласно возрѣніямъ животнаго эпоса (стр. xxvj сл.); затѣмъ, приписываніе лисѣ и волку роли главныхъ героевъ, роли, въ которой они выступали искони (стр. vjx сл.; его же *Kleinere Schriften* V [1871] 459); изображеніе непримиримой вражды между волкомъ и лисою (R. F. стр. cclxviii Kl. Schrift. V, 459); приписываніе царской власти среди животныхъ медвѣдю, которая на первыхъ порахъ принадлежала исключительно ему, а не льву (R. F. xlii сл. Kl. Schr. V, 174. 459). Помимо всего этого самымъ важнымъ доказательствомъ въ пользу нѣмецкаго происхожденія „животной саги“ являются собственныя имена героевъ животнаго эпоса, преимущественно Рейнгарта и Изенгрима, ясно обличающія свою германскую основу (R. F. стр. cxxxi. cxxi сл. Kl. Schr. V, 174. 459 сл.). Одною имени Рейнгарта достаточно, чтобы вывести заключеніе о распространенности этихъ сказаній между франками уже въ IV—VI вв., когда еще не могло быть и рѣчи о вліяніи галльскаго языка на ихъ германское нарѣчіе (R. F. cxxli). Что касается общаго сходства всѣхъ видовъ животнаго эпоса у разныхъ народовъ, то оно очень просто объясняется на основаніи общихъ преданій составляющихъ основу „животной саги“, на основаніи исконнаго родства арійскихъ племенъ, на основаніи „флуктуации“ первобытнаго элемента сказаній (R. F. cclxviii. v. cclxxij, cclxxix. cxxxi. Kl. Schr. V, 462). О заимствованіи не можетъ быть и рѣчи (R. F. cclxvj сл. cclxx. cclxxix. cxxxi. Kl. Schr. V, 175); оно возможно только въ крайне рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ (R. F. cclxxij. cclxxx). Независимость „нѣмецкаго“ животнаго эпоса отъ восточныхъ вліяній обнаруживается, между прочимъ, въ томъ, что въ восточныхъ сборникахъ отдѣльныя сказки вставлены въ рамку и не представляютъ

между собой внутренней связи, тогда какъ въ нѣмецкомъ эпосѣ, который въ случаѣ заимствованія сохранилъ бы и форму восточныхъ рамокъ, ничего подобнаго не замѣчается (Kl. Schr. V, 458). Кромѣ того подтвержденіемъ нѣмецкаго происхожденія служатъ также извѣстныя народныя вѣрованія и мѣстныя черты (R. F. cсххv сл. Kl. Schr. V, 461 сл.), свидѣтельствующія въ пользу глубокой древности „животной саги“. — Басни грековъ и римлянъ представляются только скудными осколками первобытной „животной саги“ (R. F. xv). Въ нѣкоторыхъ, весьма рѣдкихъ случаяхъ сходство нѣмецкихъ и греческихъ басенъ можетъ быть объяснено заимствованіемъ изъ Византии благодаря посредничеству готовъ, лонгобардовъ и франковъ. Но эта устная передача довольно сомнительна и допущеніе возможности такой передачи еще не доказываетъ, что она имѣла мѣсто на самомъ дѣлѣ (R. F. cclxvj. lii).

Этимъ исчерпываются основныя взгляды Я. Гримма на происхожденіе и развитіе животнаго эпоса и взаимное отношеніе его видовъ.

Гипотеза Я. Гримма, которой можно приписать названіе мѣтѳологической или индогерманской, изложена послѣднимъ съ такимъ искреннимъ увлеченіемъ, такъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о его учености и остроуміи, что на первыхъ порахъ невольно подкупаетъ всякаго въ свою пользу. Въ дѣйствительности же трудъ Я. Гримма долженъ считаться, пользуясь выраженіемъ А. Л. Мейснера (въ Archiv f. d. Studium d. neueren Spr. u. Lit. LXV [1881] 203), „въ высшей степени занимательнымъ филологическимъ романомъ и одной изъ остроумѣйшихъ вѣтвей нескончаемаго романа о Ренарѣ“. Неудивительно, что столь увлекательно изложенныя мнѣнія были немедленно признаны не только почти всѣми нѣмецкими учеными, но и весьма многими иностранными изслѣдователями. Мнѣнія эти въ видѣ догматовъ перешли во всѣ руководства исторіи литературы, проникали въ каждое новое изданіе, распространялись съ каждымъ новымъ учебникомъ, словомъ, казались такой непреложной истиной, противъ которой ратовать — значило бы донкихотствовать.

Дѣйствительно, на первыхъ порахъ индогерманская гипотеза оставалась неприкосновенной. Мало того, многіе уче-

ные принялись за расширение или болѣе прочное обоснованіе доводовъ Я. Гримма. Даже такой самостоятельный изслѣдователь какъ Гервинусъ соглашался съ его взглядами и ограничился только болѣе точнымъ разграниченіемъ опредѣленія животной сказки отъ басни: и тотъ и другой видъ Я. Гриммъ считалъ вырожденіемъ разложившагося животнаго эпоса.

Возражая на взглядъ Я. Гримма, Гервинусъ (*Geschichte der Deutschen Dichtung von G. G. Gervinus I⁶ [1871] [1-е изд. появилось въ 1835 г.]*) считаетъ баснь „первичнымъ проявленіемъ древняго Востока“ (стр. 207). Какъ только у человѣка появилось сознаніе о пропасти, отдѣлявшей его отъ животныхъ, то первое впечатлѣніе этого сознанія выразилось въ признательности по отношенію къ животнымъ за оказанную ему помощь или высказалось въ благодарности за поученія, извлекаемые человѣкомъ въ столкновеніяхъ съ міромъ животныхъ, служившихъ ему во многихъ случаяхъ образцомъ. Болѣе древняго отношенія человѣка къ міру животныхъ невозможно себѣ и представить. Поэтому древнѣйшими пословицами оказываются именно тѣ, которыя прилагаютъ различныя состоянія и свойства животныхъ къ человѣческимъ правамъ, причемъ легко замѣтить, какъ естественно и просто назидательный элементъ присоединяется къ сдѣланному надъ міромъ животныхъ наблюденію. Извлеченная изъ басни пословица, правоучительная сентенція, представляется повидимому исполнѣ народной чертой; даже въ испорченныхъ бранпахъ романа о Ренарѣ пословица постоянно удерживается обокъ съ разказомъ. Слѣдовательно, во всѣхъ видахъ животнаго эпоса замѣчается одна основная черта: общежитійскія отношенія, добродѣтели и пороки, обыденная житейская мудрость составляютъ основу его, всю суть его поученія (стр. 207). Такимъ образомъ, изъ первыхъ отношеній человѣка къ міру животныхъ неизбежно слѣдуетъ, что поученіе является первичнымъ элементомъ въ басни, а баснь примитивнымъ элементомъ въ „животной сагѣ“. Весьма мирнымъ характеромъ, соответственно миролюбивому настроенію той отдаленной эпохи, отличается баснь на Востокѣ. Первые фазисы ея развитія восходятъ къ незапамятнымъ временамъ, когда общественная жизнь не подвергалась сильнымъ тревоженіямъ. Тогда, наоборотъ, проявлялась весьма мѣткая наблюдательность

по отношенію къ самымъ разнообразнымъ проявленіямъ; всему придавалась остроумная форма изложенія, форма притчъ. Высшую стадію развитія баснь достигла уже въ болѣе позднюю, утонченную эпоху, которой вполне отвѣчаетъ эпоха Эзопа, значительно опередившая старинный востокъ въ культурномъ отношеніи (стр. 208). На первыхъ порахъ своего возникновенія произведенія о животныхъ носили нравоучительный характеръ, представлялись жанровой поэзіей, которая въ послѣдствіи достигла болѣе свободнаго развитія въ животномъ эпосѣ (стр. 209). Такимъ образомъ, мораль вовсе не является признакомъ позднѣйшаго наслоенія или вырожденія (стр. 210).—Рядомъ съ баснью въ Индіи и Греціи существовала животная сказка, которая отбѣснялась своей соперницей на задній планъ и оставалась въ тѣни. Главная цѣль животной сказки—страсть къ повѣствованію, что впрочемъ вовсе не исключаетъ примѣненія морали. Въ позднѣйшее время и притомъ у народовъ сѣверной Европы преобладала сказка, хотя рядомъ съ ней, напр., у славянъ, встрѣчается и баснь. Прослѣдить исторію этихъ народностей за предѣлы военнаго положенія, смѣниваго періодъ мирныхъ отношеній въ человѣческомъ быту,—нѣтъ возможности; вслѣдствіе этого въ пересказахъ „животной саги“—все борьба да война и, по той же причинѣ, все передается обстоятельнѣе, такъ какъ только періодомъ войны начинается эпоха событій и исторіи. Вскорѣ животная сказка, не довольствуясь сравнительно обширнымъ объемомъ, стремится къ еще большому расширенію, стремится къ сліянію съ другими сказками (стр. 211).—Зависимость западныхъ разказовъ отъ восточныхъ Гервинусъ признаетъ только въ томъ случаѣ, если факты слишкомъ очевидно обнаруживаютъ слѣды заимствованія. Сходство различныхъ сказаній онъ болѣе склоненъ объяснять „одинаковыми природой и развитіемъ человѣческаго духа“, словомъ, единствомъ послѣднато (стр. 213).—Относительно главныхъ героевъ животнаго эпоса слѣдуетъ замѣтить, что въ древнѣйшую пору первенствующую роль игралъ волкъ, который въ послѣдствіи замѣняетъ былъ лисою. Это доказываетъ посредственная, нерѣдко невыгодная роль лисы въ древнѣйшихъ произведеніяхъ (стр. 216).

Дальше этихъ возраженій Гервинусъ не пошелъ. Къ остальнымъ взглядамъ Я. Гримма, ко всей его сис-